

Теоретический аспект проблемы общества и общественного мнения в России во второй половине XIX — начале XX в.

Пути формирования института «общества» в России, сложный механизм взаимоотношений власти и общества, их взаимодействие в реформаторском процессе в последнее время привлекают всё большее внимание исследователей.¹ Однако в большинстве работ, посвящённых этим сюжетам, вопрос о теоретической эволюции представлений об общественных процессах не нашёл должного освещения. В настоящей статье ставится задача рассмотреть теоретический аспект проблемы общества и общественного мнения, проанализировать основные положения первой теории «общества» И.С. Аксакова, сопоставить её с концепциями конца XIX — начала XX в.

Первая теория «общества» И.С. Аксакова. Первая в России теория «общества» принадлежит И.С. Аксакову. И хотя аксаковская концепция проанализирована в работах Н.И. Цимбаева и В.Я. Гросула², тот факт, что она имеет важное значение для рассматриваемой темы, и не все выводы предшественников представляются вполне верными и требуют дополнительного осмысления, обусловил очередное обращение к ней. Не вызывает сомнений общее положение указанных исследователей, что И.С. Аксаков создал первую, чётко разработанную отечественную социологическую теорию. Она включала в себе представления об обществе и общественном мнении, сложившиеся в предшествующую эпоху, «старые» и «новые» историко-социологические идеи славянофильства, а также важнейшие положения современной автору западной социологии, прежде всего, идеи немецких теоретиков Л. фон Штейна и В. Рилия и английского социолога Д. Милля.

Что касается социологических взглядов «ранних» славянофилов, то братья К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев, А.С. Хомяков в российском историческом процессе (в том числе в современной

¹ *Акульшин П.В.* П.А.Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII-XIX веков: Традиции и новации. М., 2003; Николаевская Россия: власть и общество. Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 26–27 апреля 2002 г. Саратов, 2004; Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6–7 декабря 2006 г. СПб., 2007; *Марасинова Е.Н.* Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008.

² *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 170–215; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков... С. 5, 50, 57, 294–305.

им николаевской действительности) видели две силы, «два двигателя» — «землю» и «государство», т.е. народ и власть. Под властью они понимали «народное самодержавие» и в рамках консервативно-либеральной идеологии уповали на реформы сверху, а также вновь выдвигали старый тезис о неограниченной власти монарха как наиболее удобном, быстром и стабильном механизме осуществления коренных реформ. Будучи сторонниками монархической государственной системы, в её истинно русском самодержавном обличении, старшее славянофильское поколение, тем не менее, по-разному интерпретировало взаимоотношения «земли» и «государства». По мнению К.С. Аксакова, «государство», т.е. власть, должно обладать «неограниченным правом действия и закона». «Земля», т.е. народ, должна иметь «полное право мнения и слова», т.е. свободного проявления народного мнения. Причём свободу слова и мнения он считал не политическим, а естественным правом, а потому не подлежащим контролю со стороны государства.³ Тогда как А.С. Хомяков, наоборот, считал не только законным, но и положительным вмешательство самодержавного правительства в общественные дела, прежде всего, в дело народного просвещения и литературный процесс путём цензурного контроля.⁴ Ю.Ф. Самарин и А.И. Кошелев отрицали позитивность правительственной регламентации общественной жизни и контроля над общественным мнением, но верили в потенциальные реформаторские возможности самодержавия, требуя от него большей гибкости, толерантности и соблюдения интересов всего населения страны в целом.⁵

В начале 1860-х гг. И.С. Аксаков, развивая теорию о «земле» и «государстве» К.С. Аксакова, сделал шаг вперед в конкретизации первой составляющей, выделив из нее «общество» и создав его оригинальную концепцию. Изложенная в серии передовых статей, опубликованных в марте-апреле 1862 г. в самом популярном органе славянофилов — газете «День», аксаковская концепция легла в основу (хотя и не в полном объеме) большинства отечественных и зарубежных теоретических изысканий об обществе. По мнению Н.И. Цимбаева, побудительными причинами её создания стали «оппозиция немецкому самодержавию, убежденность в его враждебности русскому народу, неверие в его творческие способности». Кроме этого, по мнению автора, концепция была призвана отразить изменения, происшедшие в социальной структуре русского общества пореформенного периода, и пересмотреть славянофильскую социологическую схему.⁶

³ Аксаков К.С. Сочинения исторические. Т. 1. М., 1861. С. 9, 259–296.

⁴ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1900. С. 353.

⁵ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 170–175.

⁶ Там же. С. 176–177.

Однако, думается, в эту эпоху активного правительственного законотворчества и кардинального решения народного, крестьянского вопроса, вряд ли можно говорить о радикальной оппозиционности И.С. Аксакова самодержавной власти, являвшейся инициатором реформаторского процесса в России. Речь идет о его настороженности в отношении идеологической основы Великих реформ, какой являлась западническая, либеральная доктрина. Вместе с тем, тот факт, что она была воспринята государственными реформаторами, с его точки зрения, было вполне объективно. «Составители Положения 19 февраля воспитывались... на началах жизни иной, западноевропейской... Преобразования были необходимы, но где же им взять образцы, как не в той же Европе?» — писал И.С. Аксаков.⁷ Что же касается главных целей создания им концепции «общества», то надо думать, она должна была не пересмотреть, а приспособить славянофильскую историко-социологическую теорию к формирующейся новой модели взаимоотношений власти и общества. Ведь гласность и открытость преобразовательного процесса, достаточно быстро обеспечившие политическое просвещение и гражданское самосознание дворянства и привлекаящие к написанию и обсуждению проектов реформ не только высшую бюрократию и чиновников среднего звена, но, прежде всего интеллектуальную элиту, создавали условия и возможности для диалога с властью и движения к гражданскому обществу. Думается, именно с этим связана поддержка аксаковской концепции Ю.Ф. Самаринным, В.А. Елагиным и другими славянофилами.

Под «обществом» И.С. Аксаков понимал «народ самосознающий», т.е. просвещенную, образованную и прошедшую процесс самоидентификации часть народа или «мыслящий класс», в рамках которого «совершается сознательная, умственная деятельность». Находясь между «народом в его непосредственном бытии» и государством как «внешним определением народа», оно образуется «из людей всех сословий и состояний, соединённых известным общим уровнем образования; чем выше умственный и нравственный уровень, тем сильнее общество». И всё же общество не представляет собой какой-либо политической силы и не является политической организацией; его эволюция не связана с «миром либеральных учреждений» или «консервативных охран», а является отражением развития «чисто нравственной силы просвещения». Таким образом, общество, в понимании И.С. Аксакова, — «среда, в которой вырабатывается народное сознание». Как справедливо подчеркнул Н.И. Цимбаев, по сути «общество» И.С. Аксакова — это всесословная, аполитичная, интеллектуальная элита «нации», находящаяся между «природным» народом и государством, отделяющая себя от не-

⁷ Аксаков И.С. Сочинения. Т. 5. СПб., 1903. С. 166.

грамотных низов и бюрократии и обладающая мощным орудием — силой «нравственной, силой общественного мнения».⁸ «Откуда ни возьмись «общественное мнение», — писал И.С. Аксаков о начале реформаторской эпохи, — которого и существования не подозревали, и в принципе не признавали, — явилось такую неодолимою нравственной силой, которой никакая в мире живая, личная власть не могла сопротивляться».⁹ Главным же механизмом реализации общественного мнения он считал «свободное общественное слово», т.е. свободу печати, которая необходима как народу, так и государству, поскольку несет в себе охранительные, нравственно организующие самодержавную власть функции.

В данном контексте следует особо подчеркнуть, что на процесс оформления теории «общества» И.С. Аксакова огромное влияние оказали, с одной стороны, смена в 1855–1865 гг. тактических установок власти в достижении стратегической цели — укрепления российской государственности, а с другой — изменение морально-политического статуса дворянского общества. Кроме этого, наличие в аксаковской концепции положений, почти дословно повторяющих основополагающие идеи аналитических записок М.М. Сперанского, Н.С. Мордвинова, М.Л. Магницкого,¹⁰ свидетельствует не только о преемственности формирующихся на протяжении первой половины XIX в. отечественных социологических представлений, но и некоторых общих константах в развитии западных и славянофильских доктрин.

Рассматривая вопрос об исторических корнях русского общества в контексте развития учения К.С. Аксакова о «земле» и «государстве», И.С. Аксаков особое внимание уделял проблеме соотношения народных, общественных и государственных начал в истории России, тем самым, сделав шаг вперед по сравнению с ранними славянофильскими историко-социологическими взглядами дореформенного периода. Напомним, что для К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина существовали две паритетные «исторические, положительные силы — народ и самодержавная власть». Для И.С. Аксакова начала 1860-х гг. «общество по существу своему всегда имеет прогрессивный характер», его постоянная ведущая роль в историческом процессе не вызывает сомнений. Ведь «общество», возникая из народа и являясь самим народом «в его поступательном движении, развивает его нравственные силы» и ведёт «к совершению

⁸ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни... С. 176, 180–182.

⁹ Аксаков И.С. Сочинения. Т. 5. М., 1886. С. 164.

¹⁰ Об этом см.: Андреева Т.В. Записки императору Александру I М.М. Сперанского, М.Л. Магницкого, Н.С. Мордвинова: К постановке проблемы общего и общественного мнения в России в начале XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Выпуск. 3. СПб., 2006. С. 49–63.

предназначенного им подвига в истории человечества».¹¹ Относя начало «русского общества» к эпохе Екатерины II, И.С. Аксаков указывал, что оно возникло в период идеологического доминирования европейского Просвещения и философии рационализма, а потому изначально было «прозападным». При своём создании оно включало только высшие столичные дворянские круги, воздействие которых на провинциальное дворянство способствовало формированию общества провинциального. Эволюция же государства не только может отставать от развития общества, но его историческая роль не является постоянной и всегда положительной величиной, а может меняться в зависимости от выбора политического курса и направления движения всей политической системы в целом. Поэтому-то И.С. Аксакову очевиден прогрессивно-позитивный, народный характер русского самодержавия в эпоху «строительства» централизованного государства, в допетровский период и эпоху Великих реформ, но ему также очевидна «катастрофа», к которой привёл Россию «деспотизм» Петра I.

В этой связи не представляется верным положение Н.И. Цимбаева, что критика славянофилами петровского самодержавия, как враждебного народу, и их требование вернуться на путь развития допетровской Руси, означали «косвенную критику современного им самодержавия».¹² Во-первых, это противоречит утверждению самого же автора, что до- и пореформенные славянофилы, отрицательно относившиеся к преобразованиям Петра I, считали неограниченную монархию единственно возможной формой русского государственного устройства и полагали, что только абсолютный монарх может возглавить реформаторский процесс.¹³ Во-вторых, в данный конкретный момент, т.е. в 1862 г., главной задачей И.С. Аксакова была не критика,¹⁴ а стремление предостеречь власть от ошибок предыдущих правлений и дать «правильное» направление путем объединения «самодержавной» и «общественной» инициатив. Он писал: «Инициатива власти вообще не в состоянии заменить живой инициативы народной или общественной. Непомерное усиление государственного начала, не встречая никаких преград для своего свободного развития, должно неминуемо, логически довести до полнейшего самоотрицания, т.е. до несостоятельности правительственной, до разрушения организма».¹⁵

¹¹ Аксаков И.С. Собр. соч. М., 1886. Т. 2. С. 26–27.

¹² Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни... С. 186.

¹³ Там же. С. 171, 173.

¹⁴ 31 марта 1862 г. И.С. Аксаков писал министру просвещения А.В. Головнину: «Я начал целый ряд серьёзных статей, целый трактат об обществе, и в этом строгом труде чужд совершенно всяких намеков, выходов к тому подобных несерьёзных приправ». Номер газеты «День» от этого числа с очередной статьёй И.С. Аксакова из серии об обществе был представлен Александру II // Там же. С. 182.

¹⁵ Цит. по: Там же. С. 185.

По мнению Н.И. Цимбаева, к которому присоединяется В.Я. Гросул, проблема «самодержавной инициативы» и возможности её ограничения в дальнейшем развитии теории «общества» И.С. Аксакова должна была стать её стержнем. Однако исследователи по-разному подходят к её разрешению. По мнению Н.И. Цимбаева, речь идет лишь о нравственном ограничении, о сдерживающей «самодержавную инициативу» роли общества, В.Я. Гросул же говорит о реальной замене инициативы самодержавной власти инициативой общества. С точки зрения исследователя, «в дальнейшем, по Аксакову, власть царя может быть ограничена только общественным мнением, более сильным, чем всякая письменная конституция».¹⁶ Более верной представляется позиция Н.И. Цимбаева, которая даёт возможность проследить преемственность социологических представлений от М.М. Сперанского до И.С. Аксакова и выявить общую для обоих мыслителей традицию, согласно которой, обществу должна была принадлежать миссия формального, нравственного ограничения авторитаризма.

Р.А. Фадеев. Создателем совершенно иной концепции общества и общественного мнения в России, не вписывающейся в магистральную либерально-западническую идеологию 1860-х — начала 1880-х гг., был Р.А. Фадеев. Человек неординарный, дослужившийся до генеральского чина и использовавший свой литературный дар на поприще публицистики, он оказался одним из наиболее ярких и даровитых идеологов российского консерватизма. В своих статьях Р.А. Фадеев стремился продемонстрировать не столько читающей публике, сколько правительственным деятелям свою программу выхода России из социально-политического кризиса рубежа 1870-х — начала 1880-х гг. В ней он противопоставил либерально-западническим идеям форсированного уничтожения существующих российских институтов, могущего привести к социальным потрясениям, теорию приспособления национальных традиций, опоры на привычные государственные формы, адаптации существующего словесного строя к условиям новой эпохи.¹⁷ Его поиски консервативно-славянофильского варианта реформ, при котором были бы сохранены

¹⁶ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни... С. 184, 188; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII—XIX веков... С. 299, 312.

¹⁷ О нем см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Б.А. Романова. Труды ЛОИИ АН СССР. Вып. 12. Л., 1971. С. 299—326; *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев в общественном движении России (вторая половина 60-х — начало 80-х гг. XIX в.). Автореферат дис. на соискание ученой степени к. и. н. Волгоград, 1996; *Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А. и др.* Русский консерватизм XIX столетия. М., 2000. С. 245—249; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII—XIX веков... С. 287—288, 312—313.

и смогли бы вписаться в условия пореформенного быта большинство консервативного дворянства, и неподготовленное крестьянство, нашли отражение и в концепции общества. В 1872–1874 гг. Р.А. Фадеев опубликовал ряд статей, которые в 1874 г. были объединены в книгу «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)» (СПб., 1874), в несколько переработанном виде вошедшую в посмертное собрание сочинений автора, опубликованное в 1890 г.

В своей книге Р.А. Фадеев попытался ответить на вопрос — существовало ли в дореформенной и существует ли в пореформенной России «твёрдое общественное мнение», соответствовавшее его европейскому аналогу и представлявшее собой «политическую» и «нравственную силу»? Ответом на него и стала концепция автора, отрицавшая основные положения аксаковской теории общества. В отличие от И.С. Аксакова, под обществом он понимал не особую интеллектуальную элиту, а всех «ныне живущих русских людей», «русскую народную массу». Безусловно, Р.А. Фадеев видел в ней, как «развитые, исторически воспитанные общественные слои», обладающие определённой самостоятельностью, так и население, «движущееся не собственными замыслами», а под руководством «вожачков из исторически созревших верхушек». Но все они, по его мнению, разобщены, существуют только «правительственной склейкой, которой у нас всё держится»; а главное — в обновлённом русском обществе отсутствуют не только группа единомышленников или партия, которая «могла бы обратить свою волю в обязательный закон», но и «самостоятельная и сознательная народная жизнь».¹⁸

Таким образом, Р.А. Фадеев отрицал основополагающий аксаковский тезис о прогрессивной сущности русского общества, понимаемого широко как народ или в совокупности всё население страны. Но, прежде всего, он говорил о дворянстве, которое, идя по «чужим путям», лишено «в историческом смысле права на самостоятельное бытие». Во многом выводы мыслителя основывались на его практических наблюдениях над российским помещичьим дворянством, которое, по его мнению, в своей массе было не способно к самостоятельной деятельности в экономической и политической сфере, будь то организация помещичьего хозяйства на условиях привлечения наёмного труда или создание партии.¹⁹ В данном контексте проявилось своеобразие славянофильства мыслителя, который при всем принятии некоторых классических славянофильских постулатов (прогрессивно-позитивного,

¹⁸ Собрание сочинений Р.А. Фадеева. Т. 3. Ч. 1: Русское общество в настоящем и будущем. Poleмические статьи. СПб., 1890. С. 1–2.

¹⁹ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев в общественном движении России (вторая половина 60-х — начало 80-х гг. XIX в.). С. 14–17.

народного характера русского самодержавия, негативного отношения к петровским преобразованиям, апологии Земского собора), отвергал их важнейшие либеральные составляющие.

Именно отсутствие «связанности сословных пластов и групп», способных «взращать» и выражать свои взгляды, как считал Р.А. Фадеев, обусловило отсутствие даже в эпоху Великих реформ «твёрдого», «связного общественного мнения», в котором «выражалось бы хотя бы приблизительно направление большинства русского общества». В данном контексте автор ретроспективно обратил свой взор на общественные процессы предыдущего правления и в противовес либеральной традиции утверждал, что в царствование Николая I всё же существовали «некоторое сосредоточение мнения и органы для его выражения», хотя и в «одностороннем и бездейственном виде». В целом же, определяя весь петербургский период российской истории от Петра I до Александра II «воспитательным», когда верховная власть «воспитывала» и просвещала народ, Р.А. Фадеев именно этим объяснял отсутствие мнения общества. Он писал: «Сама власть и русское общество, после страдательного противодействия первых годов, признали особую просветительскую миссию сверху, не постоянную, а временную, отрицающую по своей сущности самостоятельность суждения и гражданской деятельности у просвещаемых. Известное дело, что от ученика требуют только прилежания и послушания, а не мнения. Прожитый нами полутора вековой воспитательный период, был запечатлен исключительным, чисто искусственным и подражательным характером, резко отличающим его и от предшествующего... и от грядущих веков самодельного народного развития».²⁰ Этот текст со всей очевидностью свидетельствует, что Р.А. Фадеев в классической связке — власть и народ — на данном историческом этапе ведущую роль отдавал первой.

Стремясь выявить причины такого необычайного явления как «тысячелетнее историческое общество с не устоявшимися понятиями», автор обратил внимание читателей на то, что само оно ещё не стало «живым народом», а являлось пока ещё «политическим сбором бессвязных единиц». «Покуда мы только государство, а не общество», — писал он, подчёркивая, что русское общество не представляет ни общих мнений, ни общих интересов, ни сложившихся групп. Всё это приводит к недостатку гражданственности, равнодушию к общему делу, «умственному хаосу», которые усугубляются неразвитостью периодической печати, которая не выполняет свою главную функцию — функцию выражения «сборного», общественного мнения, а «выражает собою только самоё себя, понятия своих сотрудников».²¹

²⁰ Собрание сочинений Р.А. Фадеева. Т. 3. Ч. 1: Русское общество в настоящем и будущем. С. 4.

²¹ Там же. С. 5–8.

Отсутствие в современной ему России сложившихся мнений и общественных органов, «способных установить взгляды большинства и выражать их с достаточным весом», Р.А. Фадеев усматривал не только в «бессвязности» общества, но и в полярности общественной мысли «от бывших славянофилов до крайних нигилистов». При этом механическая смесь противоположных взглядов отягощается «умственной пустотой... в промежутке между ними, где обыкновенно помещается центр». Кроме этого, тот факт, что образованное общество в «воспитательный период» от «Петра Великого до Александра-реформатора» обучалось на моделях европейской жизни, иностранной литературе и философии, привёл к простому перенесению готовых, не выстраданных своей духовной работой, выводов и осмыслению российских процессов сквозь призму категорий, выработанных на европейском материале. С точки зрения мыслителя, русское образованное общество начала 1870-х гг. находится в положение дворянских интеллектуалов 1820-х гг., стремившихся к перенесению на российскую почву общественно-государственных порядков Франции. Он писал: «В обществе это полутора вековое *qui pro quo* действует до сих пор тем заметнее, чем личный взгляд человека ближе подходит к левой стороне русских направлений, то есть чем менее самостоятельности в его мысли».²²

Ф. Гольцендорф. В начале 1880-х гг. сформировалась социолого-правоведческая теория общественного мнения, автором которой являлся профессор уголовного права Берлинского университета Ф. Гольцендорф. Его книга «Роль общественного мнения в государственной жизни» была с интересом встречена русской общественностью, а журнал «Русское богатство» в 1881 г. откликнулся рецензией на неё. Автор рецензии В.О. Португалов был солидарен с Ф. Гольцендорфом в главном, что общественное мнение — могущественный, независимый от государства фактор исторического прогресса, поскольку ни представительство, ни пресса не являются адекватным и верным его выражением.²³

В 1895 г. переведённая с немецкого языка, книга Ф. Гольцендорфа под названием «Общественное мнение» была переиздана в России. Своей главной задачей автор поставил изучение феномена общественного мнения в социолого-правоведческом аспекте, в соотношении с народным правосознанием. Прежде всего, Ф. Гольцендорф дал определение общественному мнению, которое, будучи «инстанцией совещательной», «есть проявление народного духа». При этом, так же как и И.А. Аксаков, автор видел в общественном мнении «нравственную силу», стоящую над

²² Там же. 9–11.

²³ Русское богатство. 1881. № 6. С. 93–96. О рецензии В.О. Португалова упоминает и В.Я. Гросул. См.: *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков... С. 380–381.

правительством, парламентом, партиями, прессой, свободную от политического и религиозного догматизма и сохранившую право независимой критики. Однако, в отличие от И.С. Аксакова, он придавал общественному мнению (*social opinion*) политическое значение, отделял его не только от народного мнения (*common opinion*) и народного правосознания, но и от суммы публично выраженных частных воззрений отдельных лиц (*public opinion*). Признак публичности, с точки зрения правоведа, не имеет решающего теоретического значения в системе отличительных черт мнения общества, важнейшими из которых определялись — «свойство субъектов», его создающих и выражающих, «авторитетность, в которой коренится его могущество». Этими «субъектами» являются все члены общества независимо от образования и социального статуса. Вместе с тем, в какой-то мере, как считал Ф. Гольцендорф, «творцом» общественного мнения является пресса. Что касается его «могущества», то оно обуславливается внутренним единством и в то же время отсутствием «единогласности» и «абсолютной тождественности всех отдельных мнений». В силу этого автор конкретизирует определение общественного мнения, рассматривая его, «как совокупность индивидуальных, не связанных между собою воззрений», как «комбинация представлений, а скорее взаимодействие между этими представлениями и факторами, оказывающими влияние на людей и их мнения».²⁴

С точки зрения Ф. Гольцендорфа, именно в начале XIX в., когда просветительские принципы восторжествовали не только во Франции, но и в большей части развитых стран, когда свобода печати, публичной критики государственных и общественных дел стали «естественным правом каждого гражданина», влияние общественного мнения усилилось. Однако изменились объекты его обсуждения и субъекты, его выражающие. Оно уже не огранивалось проблемами национально-государственной жизни и рассматривало вопросы партийной борьбы, а также выражало воззрения не привилегированного сословия, а большинства населения страны. Эпоха наполеоновских войн расширила границы общественного мнения развитых европейских стран, которое нашло «почву во всем цивилизованном мире», стало «орудием против произвола, злоупотреблений властью, нарушения трактатов» и постепенно превратилось в «европейское общественное мнение». Именно оно приобрело большое значение в международном праве, способствуя разрешению международных конфликтов.²⁵

В данном контексте важным представляется тезис Ф. Гольцендорфа об особенностях общественного мнения разных европейских стран,

²⁴ Гольцендорф Ф. Общественное мнение. Пер. с нем. СПб., 1895. С. 1, 30–47, 57, 82, 96, 107.

²⁵ Там же. С. 23–24, 51

обусловленных ходом их исторического развития, типом государственности и формой правления. Наименее влиятельную роль оно играло и играет в чистой демократии и неограниченной монархии, в то время как широкой ареной его активного влияния на политические дела оказываются парламентско-представительные монархические системы, в которых парламент является связующим звеном между «незыблемо стоящей» государственной властью и «постоянно колеблющимися, вечно меняющимися течениями общественного мнения». Именно поэтому в Англии и Франции общественное мнение как политический институт имеет легитимные, постоянные и определённые формы своего проявления. Тогда как в абсолютистских государствах, прежде всего, в России, подданные обеспечены лишь правом личного обращения к монарху в виде Всеподданнейших прошений и писем, но лишены права публичного выражения своих мнений. Во многом именно эта правительственная практика не обращать должного внимания на общественное мнение или подавлять все его проявления, с точки зрения автора, способствовала кризисным явлениям. В александровское царствование это «привело к восстанию граждан, потерявших веру в осуществление желательных с их точки зрения насущных реформ против слабого правительства», а в правление Николая I — «к подавлению народного духа, лишившегося возможности удовлетворять свои потребности в общественной деятельности».²⁶ И всё же Ф. Гольцендорф, видя в общественном мнении политическую силу, не считал, что оно обладает абсолютным авторитетом. По его мнению, одинаково опасны, как «безграничное преобладание» общественного мнения, так и его «отсутствие». В первом случае страдает самостоятельность индивидуальной жизни, а во втором — исчезает система сдержек и противовесов правительственному диктату. Неся в себе как конструктивное, так и деструктивное начало, оно может стать «помощником» правительств. Но это будет в том случае, если «они дадут возможность его беспрепятственного и своевременного проявления, доведут принцип гласности до пределов, которыми обуславливается благо их стран, и удовлетворят потребность новизны фактов и разнообразие впечатлений развитием печати, технических средств связи».²⁷

Идеи Ф. Гольцендорфа были развиты в другом переводном издании, в книге французского социолога Г. Тарда «Общественное мнение и толпа» (М., 1902). Следует подчеркнуть, что европейские ученые были едины в определении общественного мнения как «совокупности суждений», а также в тезисе, что главным фактором влияния

²⁶ Там же. С. 9, 25–27, 104.

²⁷ Там же. С. 56–57, 64–65, 77–78, 105.

на него является периодическая печать.²⁸ Вместе с тем, Г. Тард, насыщая понятие «общественное мнение» новыми элементами, писал: «Общественное мнение есть кратковременная и более или менее логическая группа суждений, которые, отвечая задачам, поставленным современностью, воспроизведены в многочисленных экземплярах, в лицах одной и той же страны, и одного и то же общества». Само же его формирование происходит в процессе превращения «индивидуальных представлений в мнение всего общества».²⁹

Одной из первых специальных русских работ по данной проблематике стала небольшая статья «Общественное мнение» бывшей участницы движения народников М.К. Цебриковой. Написанная в начале Первой русской революции, когда под натиском революционной бури имперская власть была вынуждена не только ввести представительные учреждения в России, но и удовлетворить требования общества в области просвещения, науки, культуры, данная работа оказалась одним из ярких проявлений этого процесса. Стремясь к теоретическому обобщению проблемы, автор подчёркивала, что общественное мнение как отдельное и замкнутое явление никогда и нигде в цивилизационном пространстве не существовало отдельно, а всегда наличествовало вместе «общественное мнение» и «народное мнение» как мнение интеллектуальной элиты и народных низов. Что касается России, то М.К. Цебрикова, хотя не очертила нижние хронологические границы начала формирования мнения общества, но ценность её работы определяется уже самой постановкой проблемы общественного мнения и стремлением подчеркнуть его наличие в русском культурном слое: «Раз существует общество, значит, есть у членов общества известная идейная связь, общий критерий добра и зла. Общие условия жизни, предания, обычаи, понятия создали эту связь и, следовательно, и свое общественное мнение». Вместе с тем, вслед за Р.А. Фадеевым и Ф. Гольцендорфом, М.К. Цебрикова отрицала существование единого и твёрдого мнения российской интеллигенции, что было обусловлено длительным отсутствием в России свободы печати, парламентаризма, партийной системы.³⁰

Таким образом, с одной стороны, объективное развитие русского общества, усиление в нем гражданского самосознания, а с другой — востребованность верховной властью общественных «наработок» в период подготовки и проведения «великих реформ» способствовали актуализации проблемы общества и общественного мнения. В начале 1860-х гг.,

²⁸ Тард Г. Общественное мнение и толпа. Пер. с фр. М., 1902. С. 56, 62–63, 65–71.

²⁹ Там же. С. 60.

³⁰ Цебрикова М. Общественное мнение // На славном посту (1860–1900). СПб., 1906. С. 341–351.

когда правительство искало обратной связи с обществом, а само общество заявляло о своих представлениях на пути развития России, данная проблема впервые была подвергнута теоретическому осмыслению. При этом именно концепция И.С. Аксакова была востребована следующим поколением теоретиков, а также развита современными историками, определяющими общество, как особую социальную прослойку, располагающуюся между верховной властью и народом и включающую сравнительно небольшую, просвещенную его часть.³¹ К этим основным параметрам общества следует добавить ещё несколько качественных характеристик. В процессе своего развития оно приобретало всё более многослойную структуру, включающую, как дворянские, так и разночинные элементы. Общество всегда структурировалось на два основных интеллектуальных пласта — «творцы» и «потребители» общественного мнения, внутри которых движение происходило от первых к последним, а также имело два географических уровня — столичный и провинциальный. Кроме этого, представители общества в течение XIX — начала XX в. всё больше отделяли себя не только от правительства и народа, но и от бюрократии разного уровня, а, выражая общественное мнение, пытались представлять его перед верховной властью за всё население России в целом.

³¹ *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 6; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII—XIX веков. С. 5, 6.